

Глава 6

— Пойду доложу настоятелю. Скоро вернусь. Присматривай здесь, — бросил один из учеников и ушёл, оставив Минну наедине со вторым.

— Здесь выставлен защитный барьер, мы ещё вчера всё проверили. Не беспокойся, — сказал оставшийся ученик, не убирая, впрочем, руки с рукояти меча.

— Нам долго ждать молодого господина Хэ? — спросил Минну.

Ученик кивнул:

— Зловещее проклятие мы прежде видели лишь в книгах. Дело нешуточное. Ждём здесь.

Помолчал и добавил:

— Кстати, какое ты имеешь отношение к молодому господину Хэ?

Говоря это, он отошёл обратно к телам. Белые покровы на мертвецах колыхнулись от ветра, и из-под края высунулась пара мутных, остекленевших глаз, которые, казалось, уставились прямо на них.

Холодок пробежал по спине Минну. Он незаметно отступил подальше от покойников.

— Я временно живу в поместье Цзянь. С молодым господином Хэ знаком мало.

— Это понятно. У него нрав холодный — ни с кем особо не сближается. Со старшим братом Мэнцю только кивком при встрече и ограничивается.

Говорить о Цзянь Сюэхэ Минну не хотел. Завтра предстояло подняться на гору Лицюань, и он решил сменить тему:

— Почему нечисть укрылась именно на Лицюань?

— Молодой господин Хэ рассуждает верно: позиции здешних мест особые по соотношению стихий. Лицюань — точка слияния инь и ян, самое подходящее укрытие.

— Там опасно. Легко угодить в засаду, — добавил ученик. — Впрочем, если это старший брат Мэнцю с молодым господином Хэ — им, думаю, ничего не грозит.

Слова звучали уверенно, но лицо выдавало тревогу. С нечистью им прежде встречаться доводилось — и она была сильна. Зловещее проклятие — вещь неведомая, а потому куда опаснее.

Гора Лицюань стояла в самом северном краю у похоронного дома. На севере темнело раньше: чуткий взгляд мог бы заметить, как на вершине сгущается мрак и медленно ползёт вниз, пядь за пядью пожирая очертания мира.

На склонах Лицюань было много нефритовой молочной травы — плоские каменные глыбы громоздились среди топей; вдали над болотом мерцали слабые огоньки, в ночи похожие на призрачных светлячков.

Лунный свет вытянул тени двух фигур. Цзянь Сюэхэ и Мэнцю шли один за другим. Под чёрными сапогами хрустнула ветка, с деревьев с пронзительными, царапающими ухо криками взмыли птицы.

Запах крови поплыл по воздуху — сначала едва уловимый, потом всё гуще. На ветвях вдали белело что-то, облитое красным. Мэнцю остановился.

— Хэ.

Цзянь Сюэхэ поднял взгляд. На дереве вдали висела женщина. Белый шёлковый шарф, насквозь пропитанный кровью, обвивал её горло. Лицо залито кровью до неузнаваемости; левая щека покрыта ожогами — густой сетью рубцов, под которой проступали вздувшиеся, потемневшие сосуды. Четыре конечности сломаны и вывернуты в чудовищных позах. Черты лица, казалось, складывались в улыбку, а пустой взгляд смотрел прямо на них.

Меч блеснул холодным белым светом. Вокруг мёртвой женщины клубился чёрный туман — плотный, живой, похожий на вихрь запретных знаков. Мгновение назад силуэт маячил вдали. Теперь был значительно ближе.

Небо окончательно почернело. Тучи скрыли луну. Давление навалилось сверху, и тишина вокруг стала почти осязаемой. В ней прорезался скрип — будто чьи-то кости медленно выворачивались из суставов.

— Бум!

Меч столкнулся с чёрным туманом. Цзянь Сюэхэ отлетел на несколько шагов назад. Мэнцю одновременно выхватил клинок и рубанул туман над головой — оба отступили за стволы деревьев.

Острая боль пронзила грудь Мэнцю. Запах крови — густой, тяжёлый — ударил в нос. Что-то холодное и липкое упало на лицо. Перед глазами всё залилось красным. Он поднял взгляд — и

почти в упор увидел лицо: обожжённое, искажённое, нечеловеческое.

Холод прошёл по спине, растёкся по всему телу. Мэнцю застыл.

Цзянь Сюэхэ, прижавшись спиной к дереву, краем глаза уловил движение. В поле зрения возникло лицо. Взмах меча — и оно раскололось надвое.

— Звезда небесной гибели, кровная скверна прошлой жизни, человек без привязанностей, потомок расы бессмертных духов...

Чёрный туман окутал Цзянь Сюэхэ. Слова звучали прямо у уха — тихий шёпот, почти ласковый. Потом он расслышал сдавленный стон.

Мэнцю.

Меч разогнал туман. Цзянь Сюэхэ оказался рядом с Мэнцю: кожа покрылась лёгкими ожогами, с запястья сочилась кровь, лицо приобрело зеленоватый оттенок.

— Хи-хи-хи...

Из тумана медленно проступил силуэт. Смех женщины разлился по воздуху. Цзянь Сюэхэ слегка наклонился, подхватил обмякшего Мэнцю и в следующий миг исчез.

В ушах нарастал тяжёлый гул. Тени деревьев вокруг удлиннились, вытянулись. Зрение отказывало. Цзянь Сюэхэ опустил Мэнцю на землю — и движения рук стали замедленными, точно во сне.

Трава и деревья замерли. Свет меча дробился в холодных отражениях. Из чёрного тумана медленно проступило женское лицо.

Оно напоминало ажурную маску. Вдоль щёк вились узоры пламени, выражение — не то улыбка, не то оцепенение, не то вызов. Кроткие глаза были чуть опущены, и в их глубине таилась жуть. Пламя горело в темноте тумана.

Той ночью Минну и оставшийся ученик спали в задней части двора. Тела лежали снаружи; они устроились в комнате, — и всё же, стоило Минну открыть глаза, лица мертвецов проступали сквозь темноту.

— Спи спокойно, я слежу, — сказал ученик.

Минну нашёл местечко у стены и сел. У двери были расставлены талисманы и выставлен защитный барьер. До рассвета, судя по всему, ещё далеко.

— Я пока не хочу спать. Ложись отдохни, а случится что — сразу разбужу. Как тебе?

Ученик удивился:

— Не стоит беспокоиться, молодой господин. Ночные дозоры для нас — дело привычное. Главное — ваша безопасность.

Минну взглянул на него, потом ещё раз.

— Но ты, кажется, засыпаешь на ходу.

— Прошлой ночью дежурил во второй половине, — признался ученик с лёгким смущением. — Ничего. Завтра старший брат вернётся, отдохну в ордене.

— Если мы оба будем сидеть с открытыми глазами — только время потеряем. Разумнее, если ты поспишь сейчас, — произнёс Минну, старательно подбирая слова.

Голос у него был тихий, мягкий — в прошлой жизни он говорил мало, и слова всегда давались с трудом. Сейчас сказал больше обычного; звук выходил обволакивающим, плавным — как шёлковая нить, как струны цитры, чуть подрагивающие в тишине. Мочка уха у ученика слегка порозовела; он против воли покосился на Минну.

Внешность у Минну была скромная — просто миловидный. Если в нём и было что-то по-настоящему привлекательное, то только глаза: тёмные, мягкие, с каким-то невольным стеснением в глубине — как чистая вода в тихом пруду. Смотришь — и не можешь не смягчиться.

Хорошо, что лицо не слишком красивое. С таким голосом и будь он красавцем ещё — устоять было бы невозможно.

— Ну... пожалуй, можно, — протянул ученик.

Карту горы Лицюань Минну уже получил — ученик нарисовал её сам. Когда вокруг всё стихло и тот уснул, Минну зажёл заранее припасённые благовония.

Взял он их у няни. Та одно время плохо спала и каждую ночь жгла снотворные курения.

— Эй, — Минну похлопал ученика по щеке. Тот не шелохнулся, провалившись в глубокий сон.

Минну встал, подошёл к двери — колокольчик на пороге едва не зазвенел, он успел поймать его в последний момент — и бесшумно растворился во тьме за воротами.

На следующий день должны были явиться ученики ордена, а ещё настоятель Хуафэн. Но в прошлой жизни Цзянь Сюэхэ нашли в подземелье лишь на третий день.

По дороге Минну невольно об этом думал. В прошлой жизни тело у Цзянь Сюэхэ было крепкое, но теперь в нём затаилась какая-то слабость — кто знает, не прикончит ли его здешняя нечисть раньше срока.

Если прикончит — было бы даже неплохо.

С этой мыслью он и шёл. Духовной силы у него не было, и тонких перемен в воздухе он не чувствовал. Вышел рано, не заметив, что здесь ещё темно, — хотя у подножия горы уже начинало светлеть.

— Молодой господин...

Дорогу он ещё не нашёл. Сквозь тишину долетел женский голос — тихий, чуть дрожащий. Минну невольно обернулся. На дереве вдали висел белый шарф в тёмных пятнах крови; у ствола, привалившись к нему, сидела женщина. Левая половина лица — в ожогах. Она пыталась выбраться из ямы.

Правая половина была нетронутой — мягкие черты, миловидная внешность. Духовной силы у Минну не было, нечисть он не чувствовал. Видя ожоги, он решил, что перед ним — попавшая в беду женщина.

— Молодой господин, помогите, прошу...

С женщинами Минну общался редко. Голос у этой был слабый, хрупкий; целая половина лица — живая и красивая. Ожоги не внушали ужаса — скорее делали её облик ещё более беззащитным, словно она вот-вот рассыплется.

Сочувствие поднялось само собой.

Подойдя ближе, он увидел, что одна нога у неё сломана. Кровь пропитала юбки — ярко-алая, режущая взгляд.

— Как вы оказались на горе? Ваша нога...

Он попытался поднять её — и обнаружил, что она почти невесомая, как туман, который вот-вот развеется.

— Я здесь живу. Позавчера стало известно, что похоронный дом распускает людей, я слабая, двигалась медленно... а потом...

Женщина тихонько всхлипнула. Там, куда не падал взгляд Минну, сгусток чёрного тумана уже потянулся к нему — и тут же рассеялся.

Минну смотрел на ожоги у неё на ноге. Рубцы были густые, уродливые. На мертвецах это было жутко; на живой женщине — просто жалко. Щемило сердце.

Нечисть проникает в человека через его же душу — ищет страх и отвращение. Почуй Минну хоть каплю того или другого, чёрный туман поглотил бы его без остатка.

Но в прошлой жизни у самого Минну половина лица была обожжена. Глядя на неё, он невольно вспомнил себя. Он был мужчиной — и то едва справлялся. Что уж говорить о женщине. Сочувствие пришло без усилий.

— Не бойтесь. Я отнесу вас.

Он взял её на спину. Она оказалась у него за плечами; всхлипы звучали прямо у уха.

— Как же молодой господин оказался здесь в такой час?

— Ищу одного человека. Вы не встречали юношу в красных одеждах со снежно-белым мечом?

— Нет. А кем он вам приходится?

Минну помолчал. На людях он ещё мог держаться, прятать всё за ровным выражением лица. Сейчас, наедине с темнотой, камень в груди чуть сдвинулся — и стало чуть легче дышать.

— Никем особенным.

В подземелье Цзянь Сюэхэ был прикован к постаменту каменного идола. До него доносились голоса — слабые, едва различимые. Нечисть была уничтожена: осталась лишь ничтожная крупичка её остаточной души.

Эта крупичка кружила рядом — и благодаря ей он мог слышать знакомый юношеский голос.

Мог видеть, как тот краснеет от смущения перед женщиной, обернувшейся нечистью.

— А кем он вам приходится?

— Никем особенным.

<http://bllate.org/book/20439/2111990>